

Научная статья

УДК 821.161.1-1 Фет + 140.8 Шопенгауэр + 141.142 + 177.6 + 177.74

DOI 10.15826/izv1.2025.31.1.006

«ВЕЧЕРНИЕ ОГНИ» А. А. ФЕТА КАК ДИАЛОГ С А. ШОПЕНГАУЭРОМ О ЛЮБВИ

Антон Валерьевич Комков

Сургутский государственный педагогический университет,

Сургут, Россия,

monklao@yandex.ru,

<https://orcid.org/0009-0002-2706-412X>

А н н о т а ц и я. В статье рассмотрена концепция любви в философии А. Шопенгауэра и последнем сборнике стихотворений А. А. Фета «Вечерние огни». Проанализированы особенности творческого диалога А. А. Фета и А. Шопенгауэра, связанные с понятиями «эрос» и «агапэ». Любовь, художественно осмысленная Фетом, оказывается неразрывно связана со смертью и волей. Любовь как эрос (плотская любовь) — то, что способствует торжеству мировой воли, а любовь как агапэ (жертвенная любовь) — то, что помогает человеку бороться с мировой волей и способствует осознанию индивидуумом самого себя. На материале философской лирики Фета в статье исследуется проблема авторской рецепции любовных философем А. Шопенгауэра. Выявляются различия между двумя эротологическими моделями, заключающиеся в переосмыслении Фетом шопенгауэровской концепции эроса. Данное исследование позволяет проанализировать динамическую структуру концепции любви в художественном мире «Вечерних огней» посредством актуализации отдельных элементов диалога русского писателя и немецкого философа.

К л ю ч е в ы е с л о в а: волюнтаризм; любовь; эрос; агапэ; поэзия; творческий диалог, А. А. Фет; А. Шопенгауэр; «Вечерние огни»

“EVENING LIGHTS” BY A. A. FET AS A DIALOGUE WITH A. SCHOPENHAUER ABOUT LOVE

Anton V. Komkov

Surgut State Pedagogical University,

Surgut, Russia,

monklao@yandex.ru,

<https://orcid.org/0009-0002-2706-412X>

Abstract. The article considers the concept of love in the philosophy of A. A. Schopenhauer and A. A. Fet's last collection of poems "Evening Lights". Schopenhauer and A. A. Fet's last collection of poems "Evening Lights". The features of the creative dialogue between A. A. Fet and A. Schopenhauer related to the concepts of "eros" and "agape" are analyzed. Love, artistically conceptualized by Fet, turns out to be inextricably linked with death and will. Love as eros (carnal love) is what contributes to the triumph of the world will, and love as agape (sacrificial love) is what helps a person fight the world will and contributes to the individual's awareness of himself. Using the material of Fet's philosophical lyrics, the article examines the problem of the author's reception of A. Schopenhauer's love philosophemes. The differences between the two erotological models are revealed, which consist in Fet's rethinking of the Schopenhauerian concept of eros. This study allows us to analyze the dynamic structure of the concept of love in the artistic world of "Evening Lights" and identify connections with Fet's late work by updating individual elements of the dialogue between the Russian writer and the German philosopher.

Key words: voluntarism; love; eros; agape; poetry; creative dialogue, A. A. Fet, A. Schopenhauer, "Evening Lights"

Введение

Русская литература второй половины XIX в. — сложное явление, раскрывающее себя в диалоге различных философских систем, идей, целых культурных парадигм и типов художественного сознания. Свое место в интеллектуальном и художественном дискурсе этого периода занимает философия А. Шопенгауэра. Так, Н. Н. Трубникова считает, что «в России в конце XIX — начале XX в. сложилось одно из самых авторитетных направлений изучения и издания наследия Шопенгауэра за пределами Германии — «на русской почве»» [Трубникова, с. 329]. А по мнению С. Я. Сендеровича, «Шопенгауэр и Ницше научили русскую мысль начала XX века прислушиваться к индивидуальной и трагической стороне жизни, принимать осознание собственной смертности в качестве толчка, побуждающего человека не удовлетворяться рациональным знанием» [Сендерович, с. 163]. Так, творчеством Шопенгауэра увлекался И. С. Тургенев, его труды осмыслили В. П. Боткин, П. В. Анненков, А. В. Дружинин, П. Л. Лавров, А. С. Гиероглифов, Л. Н. Толстой, Н. Н. Страхов, В. В. Лесевич, Г. Е. Струве, Н. К. Михайловский, О. К. Нотович, Д. Н. Цертелев, В. С. Соловьев, А. П. Чехов и др.

На рубеже XIX–XX вв. интерес к философскому наследию немецкого мыслителя приобретает принципиальный характер. Процесс восприятия идей Шопенгауэра в России соответствовал европейской парадигме деконструкции немецкой классической философии: рост авторитета иррационалистических моделей на фоне разочарования *modus operandi* рационализма. Сыграла свою роль и онтология А. Шопенгауэра, актуализирующая экзистенциальную ситуацию личностного самоопределения как необходимую составляющую человеческого бытия. В частности, вопрос о влиянии идей Шопенгауэра на русское культурное сознание освещался Л. И. Шестовым в работах, посвященных творчеству Ф. Ницше и Ф. М. Достоевского («Философия трагедии») [Шестов, с. 73–75]; Ю. И. Айхенвальдом (который также представил полный перевод трудов А. Шопенгауэра на русский язык) в «Силуэтах русских писателей» [Айхенвальд, с. 62], Д. С. Мережковским в труде «Л. Толстой и Достоевский» [Мережковский, с. 106, 157]. Н. А. Бердяев ставил в один ряд Шопенгауэра, Кьеркегора, Достоевского, Толстого, рассматривая их наследие с точки зрения философской эсхатологии («Творчество и объективация. Опыт эсхатологической метафизики») [Бердяев, с. 65].

Современное литературоведение развивает идеи творческого диалога русской литературной традиции и немецкой философии. Среди новейших исследований, посвященных влиянию философии Шопенгауэра на русское общественное сознание, следует упомянуть статьи Т. А. Логачевой «А. А. Фет и А. Шопенгауэр: вопросы рецепции и творческий диалог» (2023), «А. А. Фет как переводчик сочинения А. Шопенгауэра “Мир как воля и представление”» (2023); С. И. Видюченко «Интерпретация ночного пейзажа в лирике Ф. И. Тютчева и А. А. Фета» (2023); О. В. Бубликовой «Переписка А. Фет — Л. Толстой, А. Фет — И. Тургенев как дополнительный материал при изучении творчества писателей» (2023) и др. Из значимых публикаций, поставивших своей целью свести различные мнения о творчестве Фета и при этом затрагивающих его связи с философией Шопенгауэра, можно привести антологию «А. А. Фет: pro et contra» (2022). Также нельзя не упомянуть издающееся в настоящее время Полное собрание сочинений А. А. Фета в двадцати томах (2002 — настоящее время), которое содержит в себе, помимо всего прочего, черновые варианты поэтических произведений русского поэта, позволяющих проанализировать динамику творческого процесса создания «Вечерних огней».

Историко-культурный контекст исследования

Любовная тема в философии Шопенгауэра, очевидно, не является приоритетной. Это можно увидеть, например, в сравнении с концепцией онтологического одиночества личности, которая рассматривается практически в каждой последующей работе после «Мира как воли и представления». Однако достаточно интересен тот факт, что первой из работ Шопенгауэра, переведенной на русский язык, оказалась «Метафизика любви» [Шопенгауэр, 1864]. Авторство перевода

этой книги остается под вопросом (переводчик использовал инициалы «А. Г.»¹), а сама работа представляет собой отрывки из трактата «Мир как воля и представление», посвященные любовной тематике. Перевод фрагментов книги не давал исчерпывающего представления о сложной онтологии немецкого мыслителя, в ней были приведены лишь отдельные тезисы концепции любви, которая затрагивает «эротическую» сторону, не раскрывая при этом сущности любви-спасения (агапэ), занимающей не менее важную роль в волюнтаристской модели Шопенгауэра.

Полный перевод «Мира как воли и представления», основополагающей работы Шопенгауэра, впервые был осуществлен А. А. Фетом в 1881 г. Конец 1870-х — 1880-е гг. можно охарактеризовать как исключительно продуктивный период в творчестве поэта. Достигнув определенного материального благополучия, Фет стал больше внимания уделять переводческой деятельности, а не своему имени. Помимо творчества Горация, Катулла, Тибулла, Овидия и Вергилия, он заинтересовался переводом «Фауста» Гете и главным трудом немецкого пессимиста.

Важным документом, свидетельствующим об интересе поэта к идеям Шопенгауэра, является его переписка с Л. Н. Толстым, с которым Фет активно общался в эти годы. Так, в письме от 3 февраля 1879 г. он, в частности, отмечал: «Второй год я живу в крайне для меня интересном философском мире, и без него едва ли можно понять источник моих последних стихов» [А. Фет и его литературное окружение, кн. 2, с. 76]. А из письма Фета Толстому от 16 апреля 1877 г. следует, что любовь, по мнению писателя, занимает важное место по отношению к сущности Божества. Кроме того, в этих письмах явно видны попытки соотнести сложные онтологические понятия с понятием воли: «Нельзя верить и надеяться, что 2×2 будет 4. Равным образом и любовь соответствует степени незнания. <...> Но там еще много незнания и любовь возможна. А кто любит $2 \times 2 = 4$? Вечная, таинственная, святая святых, причина внешнего мира явлений = Бог = все. <...> Все сказанное нисколько не мешает нашей, мнимо свободной, воле (Wille) барахтаться на конце цепи» [Там же, с. 57]. Письмо к С. А. Толстой от 18 сентября 1886 г. свидетельствует о том, что Фет, будучи близко знаком с эротологией Шопенгауэра, также осознавал и разницу между двумя типами любви: «Если на высоте обобщения инстинктивное чувство самосохранения и страстная привязанность к семье и детям может обозначаться общим словом любовь, то это не значит, что это одно и то же. В первом случае нет цели вне нас, а во втором она властвует нами всепобедно» [Там же, с. 124].

Повышенное внимание А. А. Фета к философии А. Шопенгауэра было вызвано как внешними, так и внутренними причинами. Идеи немецкого философа воспринимались имплицитно, как своего рода Zeitgeist, соответствующий внутренним мировоззренческим установкам писателя. Это можно увидеть на примере его переписки с Я. П. Полонским: «Если ты пессимист, то вовсе не по милости

¹ По мнению П. Тиргена, переводчиком «Метафизики любви» мог быть журналист и переводчик А. С. Иероглифов. См. подробнее: [Тирген, с. 249–268].

Шопенгауэра, — ты и в студенческие годы был почти таким же» [А. Фет и его литературное окружение, кн. 1, с. 862]; «В глубине души я до последнего издыхания, зная по опыту и Шопенгауэру, что жизнь есть мерзость, все-таки буду жить надеждой, что вот-вот счастье и наслаждение помажут меня по губам» [Там же, с. 791].

Первое знакомство с творчеством немецкого мыслителя могло произойти еще в 1850-е гг. Русский писатель посещал Реаваль, Дерпт, Париж и другие города, в тот же самый период «*Parerga und Paralipomena*» Шопенгауэра пользовалась достаточно высокой популярностью у читающей европейской аудитории [Сафрански, с. 489; Klenin, р. 44–45, 96]. Кроме того, окружение А. А. Фета в лице Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, Н. Н. Страхова, Я. П. Полонского и других способствовало постоянному диалогу и осмыслению парадигмы неклассической немецкой философии.

В онтологии Шопенгауэра главной категорией является воля: «Воля как вещь в себе совершенно отлична от своего явления и вполне свободна от всех его форм, которые она принимает лишь тогда, когда проявляется, и которые поэтому относятся только к ее объектности, ей же самой чужды» [Шопенгауэр, т. 1, с. 108–109]. По мнению немецкого мыслителя, «мир есть воля», но в то же время справедливо и то, что «мир есть мое представление». Объекты как таковые не существуют сами по себе, и «все, что принадлежит и может принадлежать миру, неизбежно отмечено печатью этой обусловленности субъектом и существует только для субъекта» [Там же, с. 18–19]. Мир является представлением, однако он выражается через наличие необходимых и неотъемлемых друг от друга элементов: субъекта, объекта, причинно-следственных связей («принцип казуальности» [Реале, Анти-сери, с. 147]). Этот тезис, сформулированный Шопенгауэром, не нов для европейской философии, до него к аналогичным выводам уже приходили Р. Декарт, Дж. Беркли и И. Кант. Ключевое различие между предшествующей традицией и философией немецкого мыслителя заключается в том, что он отказывается ставить рационализм во главу существования человеческого существа, утверждая доминирование в человеческой жизни иррациональных начал, таких как воля. По мнению Шопенгауэра, человек подобен рабу слепой воли. Освобождение от рабства лежит либо в аскетизме, т. е. в бесконечной борьбе человека с волей во всех ее проявлениях, либо в чистом искусстве. Еще одним способом борьбы со слепой волей выступает любовь, она же может стать и одним из инструментов подчинения воли индивидуума.

У Шопенгауэра понятие любви имеет достаточно четкое дихотомическое деление: «Всякая истинная и чистая любовь — это сострадание, и всякая любовь, которая не есть сострадание, — это себялюбие. Себялюбие — это *έρως*, сострадание — это *αγάπη*» [Шопенгауэр, т. 1, с. 320]. В онтологии немецкого мыслителя любовь неизменно связана с волей. Любовь как эрос (плотская любовь) — то, что помогает мировой воле торжествовать. Такая любовь соотносима с понятием половой любви, инстинкта, она разрушительна на фундаментальном уровне, она «ежедневно поощряет на самые рискованные и дурные дела, разрушает самые

дорогие и близкие отношения, разрывает самые прочные узы, требует себе в жертву то жизни и здоровья, то богатства, общественного положения и счастья, отнимает совесть у честного, делает предателем верного и в общем выступает как некий злоумышленный демон, который старается все перевернуть, запутать, ниспровергнуть» [Шопенгауэр, т. 2, с. 446].

Достаточно жестоко философ критикует и поэтизацию эроса, видя в подобном устремлении не более чем проявление «гения рода», который своими ложными посланиями кажется истинной чистой любовью, но является лишь очередным инструментом в руках воли: «Тоска любви <...> это — вздохи гения рода, который видит, что здесь ему суждено обрести или потерять незаменимое средство для своих целей, и потому он горько стонет» [Там же, с. 446].

В то же время агапэ представляется ему более сложным явлением, связанным с духовной стороной человеческой жизни. Эта любовь, отрицающая волю и эгоизм, источник «*principii individuationis*»², «ведет к освобождению, т. е. к полному отречению от воли к жизни, от всякого желания» [Шопенгауэр, т. 1, с. 319]. Такой вид любви, т. е. «чистая любовь» (αγάπη, Caritas) по своей природе является состраданием, — все равно велико или мало то страдание, которое она облегчает (к нему относится каждое неудовлетворенное желание)» [Там же, с. 320]. Любовь как агапэ (жертвенная любовь) — то, что помогает бороться с мировой волей и способствует осознанию индивидуумом самого себя. Именно эта двойственная природа любви и привлекла внимание русского поэта, для которого любовь стала одной из важнейших тем его творчества.

Цель нашей работы заключается в анализе эротологических философем А. Шопенгауэра в творчестве А. А. Фета на примере сборников «Вечерние огни». Анализ динамической структуры концепции любви в художественном мире «Вечерних огней» возможен лишь посредством актуализации отдельных элементов диалога русского писателя и немецкого философа. Методологически исследование опирается на опыт компаративного и системного видов анализа.

Результаты исследования

Одним из важнейших сочинений позднего периода творчества А. Фета являются «Вечерние огни» (1883–1891). Здесь поэт подводит итог своим художественным исканиям. В «Вечерних огнях» сочетаются все основные темы, проблемы и мотивы лирики русского поэта: от импрессионистических пейзажных зарисовок до глубокой философской онтологии. Сборник состоит из четырех выпусков, при этом пятый является посмертными и, по существу, неоконченным. Вл. Соловьев в своей статье, посвященной «Вечерним огням», отмечал особое место, которое занимает концепция любви в этом произведении: «Общий смысл вселенной открывается в душе поэта двояко: с внешней своей стороны, как красота природы, и с внутренней, как любовь» [Соловьев, с. 247].

² Принцип индивидуации (лат.).

Так, в стихотворении «Томительно-призывно и напрасно...» любовь представляется как одно из важнейших событий, которое может произойти с человеком в жизни. Любовь подобна путеводному огню («Я пронесу твой свет чрез жизнь земную; / Он мой, — и с ним двойное бытие / Вручила ты...» [Фет, т. 5, кн. 1, с. 9])³, позволяющему человеку преодолеть все жизненные невзгоды, которые выражены в стихотворении посредством акватического мотива непостоянства: «Но я иду по шаткой пене моря / Отважною, не тонущей ногой» (кн. 1, с. 9). Стоит отметить, что в ранней редакции произведение носило название «Заря» (кн. 1, с. 9), в нем наблюдалось явное соотношение любовного и смертного мотивов, но в итоговом варианте стихотворение имеет иную, более витальную коннотацию.

Соотношение акватического и любовного мотивов получает свое продолжение в отдельном тематическом блоке «Вечерних огней» под названием «Море». В стихотворении «Вчера расстались мы с тобой...» любовь предстает в качестве стабилизирующей жизненной силы, утрата которой влечет за собой беспомощность и растерянность лирического героя. Расставание с любимой ассоциируется с бушующей «морской бездной», а кипящие волны, что стремятся «вечный раздробить гранит» (кн. 1, с. 25), дополняют картину хаотичного мира, созвучного с душевным смятением. Однако в последней строфе шторм стихает, волна становится «светла», а в ней получают отражение земля и «весь хор небесный» (там же), что, вероятно, свидетельствует о преодолении внутреннего кризиса и примирении лирического героя с ситуацией любовного разлада.

Стихотворение «Море и звезды» открывается акватической экспозицией, имеющей очевидные связи с предшествующим произведением, даже образы, представленные в первых строках, явно сообщаются с «Вчера расстались мы с тобой...»: «скала обрывалась бездной», «затихавшие волны белели» (там же) и т. п. Единение с возлюбленной воплощается в более упорядоченном микрокосме, утверждающемся в последней строфе произведения. Однако, несмотря на изменившийся эмоциональный фон произведения, можно увидеть общий меланхолический настрой, выражающийся в анафорическом употреблении союза «как будто» в итоговых трех стихах заключительной строфы стихотворения. Используемые образы астрального характера («хор небесный», «звезды») в строках обоих стихотворений позволяют комментировать любовный мотив в более широком философском аспекте. Любовь как часть мироздания — лишь небольшая часть бытия, простертая перед вечностью.

В астральную группу произведений о любви можно также отнести стихотворение «Сияла ночь. Луной был полон сад...», где любовные воспоминания воспроизводятся на фоне лунного света, проникающего через окна гостиной. Любовь в данном тексте проявляется в ретроспективной форме. Идеализированная любовь-прошлое не несет в себе эротических коннотаций и выступает идеализированным чувством прекрасного прошлого, противопоставляемым

³ Далее все цитаты из сборника «Вечерние огни» приводятся в тексте по этому изданию с указанием в круглых скобках номера книги и страницы.

бессмысленному течению обыденной жизни: «Что ты одна вся жизнь, что ты одна любовь. / Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки, / А жизни нет конца, и цели нет иной, / Как только веровать в рыдающие звуки, / Тебя любить, обнять и плакать над тобой» (кн. 1, с. 38).

Во многих произведениях «Вечерних огней» мотив любви практически не представлен модификациями, «счастливыми» в их обыденном понимании. Показательным в этом отношении является пример поэмы «Студент», помещенной во второй выпуск «Вечерних огней». Перед нами история несчастной любви молодого человека и замужней женщины. Причем история эта завершается столь же стремительно, как и зародилась любовь: «Надолго ли огни и искры эти? / — Надолго ли? — Надолго ль все на свете?» (кн. 1, с. 188). Фет существенно переосмысляет типичный любовный конфликт, и в данном произведении никакого традиционного романтического надрыва и экзальтирования не происходит, побеждает обыденность, и жизнь продолжается, будто бы ничего и не было: «Затем, затем — настал конец. А вы / Простите, если сказка надоела» (кн. 1, с. 191).

В других же случаях прослеживается определенное пресечение мортальных мотивов с любовными. Так, например, в стихотворении «Ты отстрадала, я еще страдаю...», имеющем в ранней редакции название «Отошедшей», переживая потерю возлюбленной, лирический герой «завидует» спокойствию посмертия и страдает от сомнений и неопределенности обыденной человеческой жизни. Любовь здесь — явление прошлого, настоящее же наполнено страданием и сомнением лирического героя. Примечательными в этом смысле являются строки «И трепещу, и сердцем избегаю / Искать того, чего нельзя понять» (кн. 1, с. 10). Иррациональность мира, невозможность проникнуть в таинственные мотивы мировой воли и наслаждение спокойствием смерти тем не менее не утверждают окончательную победу смерти над любовью.

В первой строфе стихотворения «Alter ego» обыгрывается соотношение человеческого и природного в зарождении любовного чувства: «И была ли при этом победа, и чья, / У ручья ль от цветка, у цветка ль от ручья?» (кн. 1, с. 11). Во второй строфе утверждается мысль о пустоте жизни без объекта любви, на что указывает эмоционально окрашенный глагол «влачить». В третьей строфе астральные мотивы предстают в несколько измененном ракурсе: «взирали на них мы как боги с тобой» (там же), однако предыдущий стих утверждает непостоянство данного явления: «взглянувши на звезды порой» (там же). В последней строфе любовь позиционируется как сила, способная преодолеть время и пространство и демонстрирующая свое торжество над самой смертью.

В стихотворении «Нет я не изменил...» поэт акцентирует внимание на том, что годы не способны умалить любовного чувства, которое позволяет воспроизводить в памяти прекрасные мгновения прожитой жизни. В результате обнаруживается следующая тенденция: смерть — не есть конец любви, наоборот, она делает любовь еще более ценной, очищает ее от обыденной суетности материального мира, освобождает от телесной ограниченности и тем самым возвышает ее до уровня одного из ключевых модусов бытия.

В стихотворении «Толпа теснилася. Рука твоя дрожала...» любовь представлена в форме томительного ожидания. В этом произведении воплощается эпизод ожидания встречи двух возлюбленных: «А он? С усилием сложил он накрест руки, / Стараясь подавить восторг в груди своей» (кн. 1, с. 52), «Казались без конца тебе часы ночные; / Ты не смежила вежд горячих на покой, / И сильфы резвые и феи молодые / Все “завтра” до зари шептали над тобой» (там же).

Самоуничтожающая любовь-страсть — ведущий мотив в стихотворении «Когда читала ты мучительные строки...», где обнаруживаются и приметы любви-эроса, выражающиеся в форме роковой страсти. Страстная любовь несчастна, связана со страданием. Показательными являются природные образы, наполненные красотой и контрастирующие с разрушительной любовью: «Вдали перед тобой прозрачно и красиво / Вставала вдруг заря, / И в эту красоту невольно взор тянуло» (кн. 1, с. 224). Этот контраст связан с невозможностью страстной любви быть любовью истинной, т. е. любовью агапэ. Любовь-эрос сама по себе разрушительна для личности, и контраст с природными явлениями, воплощающими смысл бытия, лишь подчеркивает неизбежную разрушительность страстной любви на фоне безразличной к страданию лирического героя мировой воли: «Ужель ничто тебе в то время не шепнуло: / Там человек сгорел?» (там же).

Данный мотив также имеет продолжение в стихотворении «Моего тот безумства желал, кто смежал...». Природное начало ассоциируется здесь с образом розы, но этот образ дуалистичен по своей натуре: с одной стороны, красота цветка, с другой — тяжесть его переплетающихся стеблей. Страсти дается очевидно негативная характеристика: «Злая старость хотя бы всю радость взяла» (кн. 1, с. 225), а человеческая жизнь предстает лишь небольшой частью безразличного механизма мировой воли. При этом явно прослеживаются реминисценции шопенгауэровской онтологии. Если любовь-эрос доминирует в человеческой жизни, то личность неизбежно становится инструментом проявления, повторения и воспроизведения этой самой воли, что прослеживается в последней строфе поэтического текста: «Стану буйства я жизни живым отголоском» (там же). Однако здесь видится и коренное различие в восприятии эроса Фетом. Ведь несмотря на то, что судьба любой личности, попавшей в цикл воли, — смерть, тем не менее, с точки зрения фетовского мировосприятия, видится определенная гармония, заключающаяся в единении с природой, даже при разрушении мыслящей и самосознающей стороны индивидуума: «Этот мед благовонный — он мой, для меня, / Пусть другим он останется тонким лишь воском!» (там же).

Особой разновидностью агапэ является каритас, которая соотносится Шопенгауэром именно с определенным типом любви: любовью-дружбой [Шопенгауэр, т. 1, с. 320]. Такой тип эратологического мотива обнаруживается в стихотворении «Руку бы снова твою мне хотелось пожать...». Образ спокойного мира, ассоциируемый с закатом жизни лирического героя, соотносим с чувством прошедшей любви, перешедшей из любви-эроса в более размеренную, почти апатичную форму («В голой аллее, где лист под ногами шумит, / Как-то пугливо и сладостно сердце щемит» (кн. 2, с. 24).

Показательным является последнее стихотворение четвертого выпуска сборника «Вечерних огней» — «Запретили тебе выходить...». Это произведение своего рода точка бифуркации любовной концепции русского поэта. Любовь здесь запретна, труднодостижима, но крайне желанна, она представляется неотъемлемой частью жизни лирического героя — без нее невозможна поэзия, а значит — и прекрасное в своем высшем проявлении без любви не является осуществимым. Этот «запрет» — метафора эроса в шопенгауэровском понимании. Эрос — опасность для личности, поэтому и является запретным. В то же самое время без любви не будет и красоты, не будет и агапэ как спасительного начала, представленного в стихотворении в форме крылатой песни: «Но чего нам нельзя запретить, / Что с запретом всего несовместней, — / Это песня: с крылатою песней / Будем вечно и явно любить» (кн. 2, с. 42).

Выводы

Таким образом, мы можем увидеть не только диалогические связи между философской системой А. Шопенгауэра и поэзией А. А. Фета, но и существенные расхождения, лежащие в основе этих двух систем. Эротология Шопенгауэра, сформулированная в его основополагающей работе «Мир как воля и представление», предполагает четкую дихотомию эрос — агапэ. Эрос акцентуализируется в инстинкте продолжения рода и, будучи связан с телесной любовью, оценивается немецким философом строго негативно. Выступая в качестве инструмента воли к жизни, он направлен на бесконечное воспроизведение индивидуумами самих себя, что лишь приумножает страдание. Агапэ, напротив, позитивно. Оно выходит за рамки обычной плотской любви и связано с искренностью, самопожертвованием, духовностью, самоотречением, самоограничением.

Любовь в художественном мире А. А. Фета комплексна. Концептуально она не укладывается в двойственную модель шопенгауэровской онтологии. В «Вечерних огнях» обнаруживается и чистая вечная любовь, и любовь-безумие, и любовь-дружба, и запретная любовь — и все они равноправны. Иными словами, любовь в поэтическом мире русского поэта вариативна, многозначна и является одним из фундаментальных оснований человеческого бытия. Однако любовь далеко не всегда может быть счастливой, и страдание может столь же неразрывно следовать за любовью, как и счастье, однако проявляется это не столько в проецировании воли через любовь-эрос, сколько в особом выражении любовного чувства. Зачастую любовь воспринимается поэтом с определенной временной дистанции, как факт прошлого, из-за чего она обретает еще большую ценность. В таком виде любовное чувство своего рода «кристаллизуется» и идеализируется, очищаясь от разрушительного влияния страсти, которая, как и в философии немецкого мыслителя, имеет негативную коннотацию. Любовная концепция в «Вечерних огнях» отчасти перекликается с пониманием «гения рода» Шопенгауэра, но при этом отрицается сама основа эроса как опасной ловушки воли. Для Фета без эроса не будет и агапэ.

Творческий диалог философии А. Шопенгауэра и художественной системы А. А. Фета отражается в композиционной и идейно-тематической структуре «Вечерних огней». Мысли о судьбе человека, существующего в круговороте триады «жизнь — любовь — смерть», встречаются уже в первых стихотворениях сборника, однако эта тенденция претерпевает существенные изменения в последующих выпусках. В целом мотив любви является одним из ведущих в творчестве Фета позднего периода. Показательно и то, что количество стихотворений, отмеченных мортальными мотивами, неуклонно снижается от выпуска к выпуску. Данный тип мотивов постепенно вымещается мотивом воспоминания, и любовь как память о прошлом начинает занимать все более значимое место в художественном мире «Вечерних огней». Связано это с несколько изменившимся творческим подходом русского поэта: когда перед нами предстает мортальная концепция, то это уже не только и не столько размышления о неминуемой смерти, сколько желание зафиксировать настоящее в нескончаемом потоке времени, а без обращения к любви как одной из основ мироздания прекрасное в мире невозможно.

А. Фет и его литературное окружение : в 2 кн. / глав. ред. Ф. Ф. Кузнецов. М., 2008. Кн. 1; М., 2011. Кн. 2.

Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. М., 1908. Вып. 2.

Бердяев Н. Творчество и объективация. М., 2018.

Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. М., 2000.

Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней : в 4 т. СПб., 2003. Т. 4.

Сафрански Р. Шопенгауэр и бурные годы философии. М., 2014.

Сендерович С. Я. А. П. Чехов и Л. И. Шестов. А также кое-что об экзистенциальной социологии // Вопр. лит. 2007. № 6. С. 163–178.

Соловьев В. С. Собрание сочинений. СПб., 1914. Т. 6.

Тирген П. Леди Макбет Мценского уезда Н. С. Лескова и «злая воля» А. Шопенгауэра // Феномен русской классики. Томск, 2004. С. 249–268.

Трубникова Н. Н. Об издании произведений Шопенгауэра в России // Шопенгауэр А. Собр. соч. : в 6 т. М., 2001. Т. 6. С. 326–335.

Фет А. А. Сочинения и письма : в 20 т. М. ; СПб., 2014. Т. 5 : Вечерние огни. Стихотворения и поэмы 1864–1892 гг., не вошедшие в сборники, кн. 1; 2015. Т. 5 : Вечерние огни. Стихотворения и поэмы 1864–1892 гг., не вошедшие в сборники, кн. 2.

Шестов Л. И. Достоевский и Ницше: (философия трагедии). СПб., 1903.

Шопенгауэр А. Метафизика любви. СПб., 1864.

Шопенгауэр А. Собрание сочинений : в 6 т. М., 1999. Т. 1; 2001. Т. 2.

Klein E. The Poetics of Afanasy Fet. Köln, 2002.

Статья поступила в редакцию 04.11.2024 г.